

— Ты почему такой немногословный? — спросил Фу Кунь.

Фу Ицзэ по-прежнему никак не отреагировал, и ему пришлось замолчать и снова попытаться уснуть.

Но прежний сон куда-то пропал, и вдруг Фу Ицзэ, обхватив одеяло, сел на кровати.

— Чего тебе? — Фу Кунь испуганно подскочил следом.

— Пукать хочу, — очень тихо ответил Фу Ицзэ.

— ...Ну так пукай, неужели обязательно ради этого садиться? — Фу Кунь с недоумением лег обратно. — Только не в одеяло...

Он еще не успел договорить, как раздался звучный хлопóк, и ему пришлось пихнуть одеяло ногой:

— Ладно уж. Раз уж мы тут так тесно спим, от нас в любом случае одинаково пахнет.

— Братик, — снова тихо позвал его Фу Ицзэ.

— М?

— Мне в туалет надо.

— Переел, что ли? По-маленькому или по-большому? — Фу Кунь размышлял, отвести ли его в общественный туалет или выдать ночной горшок прямо в комнате.

— Живот болит.

Голос Фу Ицзэ стал еще тише, и в темноте он, казалось, свернулся калачиком, прижав руки к животу.

Тогда придется идти в туалет. Хотя зимой на улице холодно, выносить ночной горшок всегда входило в его обязанности, а возиться с чужими фекалиями ему совсем не улыбалось.

Поэтому он соскочил с кровати и щелкнул выключателем:

— Терпи! Я отведу тебя в туалет, одевайся.

Фу Ицзэ натянул подштанники и ватную курточку, нахмурившись, согнулся в три погибели и зажал живот руками. Фу Кунь схватил клочок бумаги и потащил его к выходу; не будь у него руки слабыми, он бы сейчас побежал, взвалив Фу Ицзэ на спину.

Кто-то выключил свет в туалете, и Фу Кунь долго шарил по стене в поисках веревки выключателя, пока Фу Ицзэ рядом топтался на месте и тихонько поскуливал от боли, доводя его до белого каления.

Сзади слышались шаги, и луч фонарика осветил стену — Фу Кунь наконец разглядел шнур, дернул его, и загорелся свет.

— Эй, только не в штаны наложи! — Фу Кунь, обернувшись, ухватил Фу Ицзэ за шкурку и толкнул на очко.

Стоило Фу Ицзэ начать свои дела, как тот вздохнул с облегчением и забормотал под нос:

— В тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году я научился водить машину, ехал с горы и в гору, задавил больше сотни человек, полиция бросилась за мной в погоню, я сбежал в женский туалет, в женском туалете не было света, я упал в выгребную яму, я боролся с дерьмом, в конце концов погиб, и в память обо мне в туалете провели свет...

Когда он вышел из туалета, Ся Фэй с улыбкой стоял снаружи и посветил ему в глаза фонариком:

— Братишку в туалет водил?

— Угу, — Фу Кунь подпрыгнул на месте. — Ся Фэй-гэ, ты тоже по нужде?

— Нет, провожаю тут кое-кого.

Ся Фэй снова повел лучом фонарика за спину.

Чжан Цинкай прикрыл глаза рукой от яркого света:

— Хватит провожать, еще простудишься нахрен.

— Пустяки, я весь день просидел взаперти, надо хоть размяться.

Ся Фэй повернулся и зашагал вниз по лестнице. Лампа в подъезде была разбита, и ее никто не чинил, поэтому Чжан Цинкай поспешно бросился следом, чтобы поддержать Ся Фэй за талию, но тот смахнул его руку шлепком:

— Чего тебе?

— Боюсь, упадешь.

— Ладно тебе, я не такой уж хрустальный. Не считай ребенка за несмышлениша, он все понимает, — негромко бросил Ся Фэй, повернулся и улыбнулся Фу Куню: — Ведь так, Кунь-цзы?

— А? — Фу Кунь опешил, почесал в затылке и глуповато хихикнул.

Чего он там понимает-то?

Фу Кунь не знал, к чему клонит Ся Фэй, он лишь видел, что Ся Фэй и Чжан Цинкай были необыкновенно близки. Обычно Ся Фэй провожал Чжан Цинкаю донизу, тот через минуту поднимался обратно, а потом они спускались снова.

Два дурня — вот и все, что он об этом знал.

— Братик, — позвал его из туалета Фу Ицзэ голосом, в котором слышалась дрожь.

— Закончил? — Фу Кунь зажал нос, вбежал внутрь и протянул рулон бумаги: — Сам жопу подтереть сможешь?

— Смогу, — тихо ответил Фу Ицзэ.

— Ты что, замерз? — Фу Кунь заметил, что тот всё еще дрожит.

— Угу.

— Кто тебя просил так спешить, даже одеться толком не успел, — Фу Кунь нахмурился. Об этом нельзя было рассказывать матушке, иначе она непременно наорет на него. — Живот еще болит?

— Больше нет.

Фу Ицзэ вытянул штаны и вышел.

— Какой рукой подтирался? — спросил он.

— Правой.

Фу Кунь наклонился и взял его за левую руку:

— Пошли.

— Левая тоже помогала, — Фу Ицзэ посмотрел на свою левую руку.

— Тьфу ты! — рявкнул Фу Кунь и швырнул его руку в сторону. Не успел он выругаться, как, скосив глаза, заметил, что в глазах Фу Ицзэ ярко блещут слезы. Он остоленел: опять ревет?

Он поспешно снова ухватил Фу Ицзэ за левую руку и потащил домой:

— Ладно-ладно, никто тебя не брезгует, хватит ныть. Как у тебя получается реветь по заказу? У тебя что, кнопка встроена? А ну прекрати!

Вернувшись домой, Фу Кунь собирался было согреть немного воды, чтобы Фу Ицзэ вымыл руки, но, увидев, как тот колотится от холода, оставил эту затею и велел ему лезть обратно в постель.

Сам же он налил горячей воды и полотенцем протер лицо и руки Фу Ицзэ. Обычно Фу Кунь не слишком заботился о гигиене, и заставить его вымыть руки удавалось только из-под палки — единственным поводом сделать это по собственной воле был поход в туалет.

Закончив со всеми этими хлопотами, Фу Кунь забрался под одеяло. Фу Ицзэ, как и раньше, сжался крошечным комочком у стены.

— Спи давай, — Фу Кунь уже клевал носом и закрыл глаза, готовясь провалиться в сон.

— Братик, — снова позвал он.

— М? Ты что, опять в туалет?! — испугался Фу Кунь.

— Нет.

— Тогда чего тебе надо?

— Как пишутся иероглифы Фу Кунь?

— Фу Кунь-то? Ну... — Фу Кунь задумался. — Фу от слова платить, Кунь — из Инь-Ян, понимаешь, что такое небо и земля?

— Не понимаю.

Фу Ицзэ осторожно придвинулся к нему поближе.

— Небо и земля — это, в общем, ну... это когда кто-то безумно крут, — Фу Кунь немного подумал, но так и не нашелся, как объяснить поточнее. — Вот поэтому и взят иероглиф Кунь, ведь я — человек невероятно крутой.

— А почему не взяли иероглиф Небо? — Фу Ицзэ, судя по всему, вовсе не хотел спать и продолжал допытываться.

— Небо? Фу Тянь? Платить за небо? Кто же такая круглая сирота, чтобы зваться Плати Небу? — Фу Кунь цыкнул языком. — Ой, спать хочу сил нет, хватит со мной разговаривать. Не можешь уснуть — считай пальцы.

На рассвете, когда Фу Кунь еще видел сны, матушка несколько раз шлепнула его по лицу, пока он окончательно не проснулся. Не успел он и пикнуть жалобу, как она затараторила, выдавая распоряжения одно за другим:

— Кунь-цзы, я купила братишке зубную щетку и полотенце, всё лежит на столе. Сейчас разведи брату чашку молока, завтрак я оставила там же. Поешь — и дуй в школу, а я сбегаю на работу отметить и сразу назад, оформлять братишку в новую школу...

— Угу... — не открывая глаз, отозвался Фу Кунь.

— Подъем! — заметив, что он не шевелится, матушка подлетела к кровати и попросту стащила его из-под одеяла.

— А-а-а... — уныло протянул Фу Кунь. — Подними и Сяо-Цзэ тоже, с какой стати я должен вставать первыми?

— Соберись — тогда и разбудишь его, — она швырнула его на стул у стола. — Я побежала! Уходя, прихвати свои книжки с картинками, дай братишке поиграть. Через часок вернусь.

— Знаю я, знаю, беги уже! — Фу Кунь уткнулся лицом в стол и замахал рукой вслед матушке.

До чего же нудная! И без того в такую холодину вставать — одно мучение, так мало того что подняли спозаранку, теперь еще и молоко этому Цзэ разводи! И свои игрушки ему отдавай!

Матушка прихватила сумочку и выскочила за дверь. Фу Кунь оделся, искоса глянул на Фу Ицзэ, который все еще спал, уткнувшись носом в подушку, и почувствовал глубокую несправедливость. Не удержавшись, он подскочил к кровати и рывкнул прямо в ухо:

— Фу Ицзэ! Подъем!

После этого, не дожидаясь никакой реакции, он вихрем выскочил из комнаты.

Впрочем, даже если бы реакция последовала, это наверняка был бы лишь рев.

Закончив чистить зубы и умываться, Фу Кунь не стал сразу возвращаться в комнату — ему захотелось проверить, не ревет ли там Фу Ицзэ.

Заглянув в окно снаружи, он опешил: Фу Ицзэ уже встал, аккуратно застегнул всю одежду и теперь выдавливал на щетку зубную пасту, купленную матушкой.

Выдавив пасту, он попытался дотянуться до термоса, чтобы налить в чашку кипятка, но стол

оказался слишком высоким, и дотянуться не получилось. Тогда он поставил кружку прямо на пол и наполнил ее водой там.

Разобравшись с водой, Фу Ицзэ зажал щетку в зубах, бережно прижал кружку обеими руками и, опустив голову, медленно вышел на улицу.

— Давай сюда, — Фу Кунь протянул руку и забрал у него чашку. Почему-то этот мальчишка каждый раз казался ему до ужаса жалостливым.

Впрочем, Фу Ицзэ оказался куда самостоятельнее, чем думал Фу Кунь. Наверное, в детдоме о них никто не заботился, и всё приходилось делать самим: и зубы чистил, и умывался Фу Ицзэ очень ловко.

Утром у водопровода то и дело снодавали спешащие на работу и учебу соседи. Проходя мимо Фу Ицзэ, каждый норовил бросить на него взгляд-другой, а кто-то даже бросил:

— А твой братишка, Кунь-цзы, парень шустрый!

Утреннее раздражение Фу Куня немного поутих, и от этих слов ему стало даже чуточку лестно.

Еще бы, разве мог братишка Фу Куня быть нешустрым!

Хотя, подумав чуть дольше, он прикинул: разве есть что-то особенное в том, чтобы почистить зубы в первом классе? Просто движения чуть побойчее. Он и сам с тех пор, как себя помнил, зубы чистил сам, пусть и научился этому только после того, как наглотался зубной пасты на год вперед...

Но из-за того, что пришлось ждать, пока тот умоется и почистит зубы, Фу Кунь сегодня выходил из дому с опозданием. Когда Сунь Вэй во всю мочь орал под окнами его имя, он как раз возился с пакетом сухого молока, собираясь развести его для Фу Ицзэ.

— Фу Кунь! Фу Кунь! Фу Кунь! Фу Кунь! — Сунь Вэй надрывался под окнами с таким энтузиазмом, будто выступал на сцене.

— Не ори, слышу я! — Фу Кунь высунулся в окно и рявкнул в ответ.

Сунь Вэй, словно не замечая этого, продолжал орать во всю глотку с закрытыми глазами.

— Тьфу ты, — Фу Кунь от крика товарища совсем растерялся, не зная, что делать с пакетом молока, и наконец махнул подбородком на Фу Ицзэ: — Цзэ, иди сюда.

Фу Ицзэ подошел к нему и поднял лицо.

— Открывай рот, — Фу Кунь зачерпнул ложку сухого молока и засыпал ему в рот. — На чашку идет четыре ложки, вот их и сожри. Фу Ицзэ растерянно приоткрыл рот, наполнив его сухим молоком, и совершенно не соображал, что делать.

- Ешь, что, суховато? - спросил Фу Кунь.

- Сухо, - ответил Фу Ицзэ, выдохнув изо рта облачко белой пыли.

- Запей водой.

Когда Фу Ицзэ проглотил эту порцию сухого молока, Фу Кунь зачерпнул еще ложку и снова сунул ему в рот.

Вот так, чередуя ложку сухого молока с глотком воды, задача «заварить брату кружку молока» была успешно выполнена.

Сунь Вэй всё еще голосил внизу, словно в припадке, и несколько соседей, у которых сегодня не было ранней смены, уже открыли окна и принялись ругаться. Фу Кунь схватил пару паровых булочек и бросился к выходу:

- Ицзэ, матушка скоро вернется. Если станет скучно, в коробке под кроватью лежат картинные книжки, можешь полистать.

- Угу, - кивнул Фу Ицзэ, вокруг губ которого белела молочная кайма.

- Вытри рот, вон весь как старец с седой бородой.

Фу Кунь захлопнул дверь и выбежал наружу.

Как только дверь закрылась, Фу Ицзэ не шевелился, пока шаги Фу Куня совсем не стихли. Тогда он вытер рот, повернулся, уцепился за подоконник и, встав на цыпочки, выглянул на улицу.

Внизу стоял мальчик примерно ростом с Фу Куня, и Фу Кунь, катя рядом велосипед, пошел вместе с ним.

Фу Ицзэ вернулся к столу, аккуратно уселся на стул и, взяв со стола паровую булочку, принялся с усердием ее уплетать. Есть нужно было сосредоточенно, к тому же еду могли в любой момент отобрать.

Обычно ему не выпадало столько еды, удавалось лишь набить желудок наполовину. И хотя сейчас он был один, а на столе стоял целый пакет булочек и большая миска каши, привычка заставляла его по-прежнему опускать голову и жадно уминать еду.

Съев четыре большие булочки и выпив миску каши, он почувствовал, что живот набит до отказа, и только тогда остановился.

В коридоре за дверью кто-то то ходил туда-сюда, то разговаривал, то болтал. Посидев в комнате и послушав всё это некоторое время, он нашел происходящее скучным и забрел в маленькую комнату Фу Куня.

Под кроватью действительно обнаружился ящик. Потянув за него, он понял, что тот очень тяжелый, и потратил немало сил, прежде чем вытащить его наружу.

Ящик был доверху забит вперемешку самыми разными иллюстрированными книжками и комиксами, а также парой старых тетрадей.

Он достал одну тетрадь, раскрыл ее и обнаружил, что на ее страницах от руки нарисованы люди и звери: дерущиеся люди, танцующие люди и множество бегающих повсюду животных – кошки, собаки, насекомые...

Он увлеченно погрузился в чтение: эти рисунки были куда красивее того, что рисовал учитель изобразительного искусства. Фу Ицзэ, сидя на полу и закончив пролистывать две тетради, услышал, как скрипнула дверь. Он обернулся и увидел вошедшую тётю. Его охватило необъяснимое чувство тревоги, словно он был вором, которого поймали с поличным за копанием в чужих вещах.

— Ицзэ, книжки читаешь? Почему на полу сидишь, здесь же холодно! — стоило тёте войти, как она подбежала к нему и подняла с пола. — Почему брат не достал тебе книги? Ну и ненадёжный же человек.

Фу Ицзэ ничего не ответил. Он положил тетради обратно в коробку и наклонился, чтобы задвинуть её под кровать. В детском доме в коробках для игрушек, даже если самих игрушек почти не было, существовало строгое правило: не убрал на место — будешь стоять в углу.

— Оставь, я сама, — тётя задвинула коробку под кровать и приобняла его. — Позавтракал?

Он кивнул.

— Молоко пил?

Он вспомнил четыре ложки сухого молока, которые с таким трудом проглотил, и снова кивнул. Раньше ему почти не приходилось пить молоко, но то, что он попробовал только что, было очень вкусным.

— Вот и хорошо. Мам... тётя отвезёт тебя сейчас в школу, ладно? Старая школа слишком далеко, будешь ходить в школу к брату, сможете вместе добираться. Хорошо? — тётя погладила его по голове.

— Хорошо, — тихо ответил он.

У него остались не самые приятные воспоминания о школе: одноклассники знали, что он ребёнок из детского дома без родителей, и не хотели с ним играть.

Тётя достала лекарство от простуды, дала ему выпить, а затем взяла его с собой и они вышли из дома.

Фу Ицзэ посадили на заднее сиденье велосипеда. За все годы своей жизни он впервые ехал на велосипеде, поэтому сильно нервничал и не знал, за что ухватиться.

— Держись за мою одежду, не отпускай, — тётя похлопала его по плечу, застегнула молнию на его ватнике и поправила шапку. — Сиди крепко.

Он кивнул и осторожно ухватился за край её куртки.

Ветер был сильный и пробирался к его лицу даже сквозь маску. Сидя на велосипеде, он постоянно втягивал голову в плечи, но новизна ощущений от первой в жизни поездки быстро заставила его забыть о холоде, и он начал с любопытством оглядываться по сторонам.

— Смотри, вон те ворота — это вход в Третью начальную школу. Твой брат учится здесь в четвёртом классе, — тётя остановила велосипед, сняла его вниз и указала на ворота. — Сейчас...

Тётя не успела договорить, как они оба увидели у ворот двух человек. Один, молодой мужчина, по виду был учителем, а вторым оказался Фу Кунь.

— Сколько дней ты уже не делаешь домашнее задание! — учитель Ян указывал на Фу Куня и очень сердито говорил: — Я велел тебе вызвать родителей, а ты прикинулся глухим! — Рука сломана, — Фу Кунь небрежно приподнял руку и отвернулся. — Писать не могу.

— Кого ты дуришь! — учитель Ян шлепнул его по левой руке. — Думаешь, я не знаю, что ты и левой рукой отлично пишешь!

— У меня рука болит, как рука заболит, так и голова начинает болеть, писать просто невозможно. — Фу Кунь усмехнулся.

— Ладно, писать не можешь, и родителей вызывать не собираешься, да? — учитель Ян указал на него пальцем. — Тогда стой здесь и превращайся в сосульку!

— По рукам.

Учитель Ян опешил:

— Что ты сказал?

— Говорю, по рукам, — повторил Фу Кунь.

— Ты... — Учитель Ян, судя по всему, был вне себя от ярости и замахнулся рукой.

— Фу Кунь! — стоявшая до этого без движения матушка внезапно рявкнула.

Фу Ицзэ так испугался этого неожиданного крика, что плюхнулся прямо в сугроб. Учитель Ян

тоже подскочил, занеся руку над головой.

— Смеешь бить моего сына... — тихо процедила матушка, широким шагом подбежала к ним и саданула Фу Куня ногой по заднице. — Опять ты за своё!

Когда Фу Кунь услышал этот свирепый окрик матушки, до него наконец дошло: матушка же утром говорила, что переводит Ицзэ в другую школу, и это третья начальная!

Какая неудача!

Он моментально почувствовал себя великомучеником.

Матушка замахнулась ногой для удара, и хотя он легко мог увернуться, лишь чуть-чуть сместился в сторону — так, чтобы матушка не сделала больно, но и не промахнулась мимо цели. При таком раскладе и учитель Ян, и матушка останутся довольны.

— Не бейте его, не надо, — увидев, что матушка намерена врезать во второй раз, учитель Ян быстренько оттащил Фу Куня себе за спину. — Давайте всё спокойно обсудим.

— Если я не буду его бить, так вы же побьете, — матушка уперла руки в боки.

— Я и не собирался его бить... — Учитель Ян слегка смутился. Учителей, практикующих телесные наказания, хватало, и порой родители сами напутствовали преподавателей: мол, если надо, лупите и чехвостикайте на здоровье. Но он-то вовсе не планировал бить Фу Куня, да и матушка явно была не из таких родителей.

— Учитель Ян, вы прямо измучились с ним. Давайте этот мелкий паршивец пока здесь помёрзнет, — матушка посмотрела на него, повернулась, пристроила свой велосипед на парковке и повела Фу Ицзэ в сторону школы. — Я скоро зайду к вам в кабинет. У меня же еще один сынок сегодня оформляет документы.

— Возвращайся в класс, — учитель Ян уже не понимал, то ли злиться ему, то ли еще что делать, и махнул Фу Куню рукой. — Иди марш в класс, а потом будешь объяснять матушке, почему ты целую неделю не делал домашку.

Фу Кунь ничего не ответил. Краем глаза он заметил, что матушка держит Фу Ицзэ за руку, а тот топает вперед и при этом упорно оборачивается, разглядывая его своими круглыми глазенками. Фу Кунь осквернился в улыбке и обнажил зубы — наверняка эта сценка напугала малыша.

— В класс бегом! — учитель Ян толкнул его в спину. — Чего лыбишься, как дурак? Первый раз в жизни вижу такого ребенка!

— Вы меня уже четыре года видите, а всё никак не насмотритесь. — Фу Кунь повесил нос. Хотя матушкин пинок был для виду, дома ему точно не сдобровать, а уж если батюшка узнает — вообще пиши пропало.

— Слышь, а у тебя еще и младший брат есть? — учитель Ян обернулся и посмотрел им вслед.

— Ага, только что подобрал.

— Подобрал? Усыновили, что ли?

— Ну да.

— Какие у тебя родители жалостливые.

— Точно, — Фу Кунь шмыгнул носом. — Учитель Ян, может, и вы проявите милосердие? У меня и так рука сломана, а если вы еще жалобу накатаете, мне все конечности переломают...

— Не надо мне тут ля-ля! — учитель Ян вдруг вспомнил, что вызвал Фу Куня вовсе не для задушевных бесед. — Тебя непременно надо как следует проучить! Задают-то кот наплакал, а ты упрямо не делаешь. О чем ты вообще думаешь?

— О том, как бы погулять...

— Заткнись! На любое слово у него найдется ответ!

— Твой брат, наверное, опять уроки не сделал, — матушка за руку провела его по коридору учебного корпуса. — Ты с него пример не бери.

— Угу, — тихонько отозвался Фу Ицзэ. Интересно, если он тоже перестанет делать домашку, матушка его тоже пнет?

Впрочем, подняв голову, он заметил, что на лице матушки нет и следа сильного гнева — да и тот пинок, кажется, был вовсе не с такой уж силой.

Это совсем не походило на равнодушие и кислые мины в детском доме. Здесь была материнская забота... мальчик внезапно почувствовал легкую зависть.

Если бы у него была мама, пусть даже ругала бы и била, это было бы замечательно.

Поскольку они уже приходили в школу заранее, все бумаги оформили очень быстро.

<http://bllate.org/book/21935/2278927>